

9. Впоследствии это выступление было издано в виде отдельной брошюры. – См.: Лайек С. Коротко о пуштунских племенах. – Кабул: Центр общественных наук Академии наук ДРА, 1365 (1986). – 63 с. – На языке дари (мохтасари дар барайе кабайел-е паштун).
10. См.: Закрытое письмо халькистов-членов ЦК НДПА в адрес Политбюро ЦК КПСС. Апрель 1988 г. // Культура народов Причерноморья. – № 41. – Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2003. – С.268.

Стоян Т.А.

ФОРМИРОВАНИЕ МЛАДШЕГО ОФИЦЕРСКОГО ЗВЕНА РОССИЙСКОЙ АРМИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

История российской армии, и, в частности, ее основной части - офицерского корпуса является составной частью общероссийской истории. Офицерский корпус концентрирует в себе военные традиции государства, а качественный состав офицерских кадров, его моральный облик во все времена свидетельствует об уровне его могущества.

Долгое время в советской историографии преобладало негативное отношение к изучению военной истории XIX – начала XX столетий. На протяжении десятилетий официальная наука, заклеив офицерский корпус Российской армии как «контрреволюционный», избегала в своих исследованиях названной проблематики. Научных работ по этой теме – единицы. В современной российской историографии начала 1990-х годов можно назвать лишь монографию С.В. Волкова [1], который ставил перед собой задачу «в популярной форме» изложить «основные вопросы российского корпуса» [1, с. 9]. Начало XXI ознаменовалось усилением интереса ученых к проблемам военной политики России прошлых столетий началось лишь в конце XX ст.[2].

Целью данной статьи является исследование источников пополнения младшего офицерского звена вооруженных сил Российской империи во второй половине XIX – начале XX столетия; выявление факторов, которые определяли уровень его качественного состава. При написании статьи использованы проблемно-хронологический, сравнительно-исторический и статистико-аналитический методы исследования.

В середине XIX ст. основным способом получения первого офицерского чина было производство в офицеры за выслугу лет. Продолжительность же выслуги зависела не от общеобразовательного и профессионального уровня военнослужащих, а главным образом от их сословного происхождения. Хотя формально для производства в первый офицерский чин предусматривался специальный экзамен, однако он был чрезвычайно упрощенным. Некоторые представители военного ведомства иронизировали по этому поводу, подчеркивая, что зачастую родитель выбирал для своего сына военное ремесло «единственно потому, что он глуше прочих его детей» [3]. Кроме того, на местах, особенно в провинции, чинопроизводство зачастую велось вообще без экзаменов, и офицерский корпус пополняли безграмотные люди. Командир местных войск генерал-адъютант граф Комаровский докладывал, что большинство подчиненных ему офицеров в силу своей необразованности не в состоянии исполнять возлагаемые на них поручения. К докладу прилагался список 225 офицеров, совершенно не умевших читать и писать [4].

Не лучше обстояло дело и с выпускниками кадетских корпусов - закрытых военно-учебных заведений, объединявших в себе общеобразовательный и специальный военные курсы. Существенные недостатки в системе обучения и воспитания, громоздкая административная структура, отсутствие опытных преподавателей и инструкторов приводили к тому, что в армию из кадетских корпусов выпускались слабо подготовленные офицеры, полностью неприспособленные к армейским условиям. Поэтому понятно, почему строевые начальники предпочитали кадетам военнослужащих «хотя необразованных, но вышедших зато из рядов войск, а потому более первых знакомых с воинским бытом и военными требованиями» [5]. Сложившееся положение, таким образом, пагубно влияло на состояние офицерского состава. При отсутствии знаний процесс по формированию реальных боевых навыков у нижних чинов уступал место плацпарадной муштре. В таких условиях подготовка армии не могла быть на должном уровне, что и стало причиной поражения России в Крымской кампании 1853 –1856 гг. Неудачи русской армии в Крыму, начавшееся перевооружение сухопутных войск, перевод европейских армий на новую систему комплектования – все это заставило правительство Российской империи, его военное ведомство по-новому взглянуть на проблему пополнения офицерских кадров. В начале 60-х – первой половине 70-х гг. XIX ст. в целях улучшения качественного состава офицерского корпуса была проведена военно-учебная реформа. Старшие классы кадетских корпусов со специальным военным курсом были выделены в самостоятельные военные училища. Сами же кадетские корпуса были переименованы в военные гимназии и превратились в средние общеобразовательные учебные заведения. При штабах военных округов были учреждены окружные юнкерские училища, предназначенные для обучения тех военнослужащих, кто ранее производился в первый офицерский чин за выслугу лет. Свою окончательную организационную структуру получили и специальные училища, готовившие специалистов для артиллерии и инженерных частей.

Первостепенным в деле улучшения комплектования обер-офицерского состава российской армии были не реорганизация и расширение сети военно-учебных заведений, а создание для них надежных, в первую очередь с точки зрения общеобразовательного уровня, источников пополнения. Однако, в условиях постоянного падения престижа офицерской службы привлечь к поступлению в военно-учебные заведения достаточное количество молодых людей со средним образованием было реальным лишь при значитель-

ном увеличении офицерского жалования. Однако такого рода задача, при пошатнувшемся финансовом положении Российской империи в то время, была невыполнимой. Военное ведомство вынуждено было формировать источники пополнения своих средних специальных учебных заведений собственными силами. Это являлось правильным решением, но выполнить его, опять же, можно было лишь при наличии соответствующих финансовых вложений. На практике же государственного финансирования хватало только поддержание работы в нормальном режиме военных гимназий в размерах, необходимых для укомплектования военных и специальных училищ. Ситуация осложнялась еще и тем, что главный инициатор военно-учебной реформы, военный министр Д.А. Милютин, расценивал военные гимназии как переходный тип школы, который исчезнет как только сформируется окончательно общеобразовательная школа и ее выпускники будут укомплектовывать все типы военных училищ. Д.А. Милютин добился значительного сокращения числа выпускников военных гимназий (с 8000 человек в 1862 году до 5870 в 1869) [6]. В итоге уровень успеваемости в военных училищах резко упал, поскольку из-за нежелания выпускников гражданских гимназий становиться офицерами туда стали принимать молодых людей без образования или обучавшиеся в домашних условиях. Ситуация нормализовалась лишь к началу 1880-х годов, когда количество военных гимназий значительно увеличилось, а затем все они с 1882г. вновь получили наименование кадетских корпусов. С тех пор именно благодаря пополнению своего состава выпускниками кадетских корпусов военные и специальные училища смогли выпускать хорошо подготовленных офицеров.

Совершенно иначе складывалась ситуация в области комплектования юнкерских училищ. Созданию данных военно-учебных заведений также должно было предшествовать формирование их источников пополнения по общеобразовательному признаку. В России таких источников не было, поскольку основной способ производства в первый офицерский чин исключительно за выслугу лет - не способствовал их появлению. В результате, пополнение юнкерских училищ юношами с законченным средним образованием (7 классов) стало зависеть от расширения сети средних гражданских учебных заведений и увеличения, таким образом, числа их выпускников, не имевших возможности продолжить свое обучение в более престижных гражданских вузах. С 1886 года такая молодежь направлялись на специально учрежденные для них при окружных училищах отделения с военно-училищным курсом на основе программ военных училищ. Однако данный процесс шел достаточно медленно - с 1886 по 1910 гг. военному ведомству удалось полностью охватить отделениями с военно-училищным курсом лишь 6 окружных училищ из 14-и имевшихся. Качество подготовки остальных курсантов, обучавшихся на отделениях с юнкерским курсом, было посредственным, так как большинство из них поступали в училища после окончания 4-х классов средних учебных заведений и были не в состоянии успешно овладеть училищными программами. В результате, на государственном уровне было решено особое внимание уделить повышению уровня общих знаний имевшихся источников пополнения, соединив в юнкерских училищах функции как общеобразовательных, так и средних специальных (военных) учебных заведений. С данной целью дважды в исследуемый период - с 1870 по 1885 и с 1901 по 1914 гг. окружные училища переводились с 2-летнего на 3-летний срок обучения. Особенно активно это происходило в 1901-1908 гг. К 1910 году военному ведомству удалось, наконец, перевести все юнкерские училища на программы обучения военных училищ. Существовавшему порядку пополнения обер-офицерского корпуса слабо подготовленными офицерами, таким образом, был положен конец.

Сословная политика правительства в области комплектования военно-учебных заведений также оказалась predetermined порядком формирования командного состава русской армии в дореформенный период. Необходимость допускать к поступлению молодых людей с низким общеобразовательным цензом сделало юнкерские училища доступными для представителей всех сословий. Это послужило основой для демократизации офицерского состава, а через него – кадетских корпусов и военных училищ, пополнявшихся, в основном, детьми офицеров. Таким образом, государство не могло проводить политику комплектования так, как хотело бы – по сословному принципу. Как следствие, к началу Первой мировой войны все кадетские корпуса (за исключением Пажеского) и училища были официально признаны всесословными.

В вопросах допуска в военно-учебные заведения представителей разных национальностей и вероисповеданий правительство проявляло толерантность лишь к тем «инородцам и иноверцам», кто лояльно относился к господствующей власти. Тем не менее, подобное отношение не распространялось на уроженцев Финляндии и Царства Польского вследствие развитости у них в высокой степени чувства национальной самосознания. Осознав это, царское правительство встало на путь ограничений и запретов, стремясь свести присутствие составителей данных национальностей в учебных заведениях военного ведомства до минимума. Что же касается евреев, то ограничительные меры, направленные на недопущение их в военно-учебные заведения, были особо суровы, распространялись даже на евреев принявших христианство. В целом же, защищая интересы национальной безопасности, государство строго следило за тем, чтобы все типы военно-учебных заведений укомплектовывались православными великороссами не менее чем на 90 % [7].

Таким образом, одним из следствий военной реформы 60-х – первой половины 70-х г. XIX столетия стало появление двух военно-училищных систем (военно-специальные и юнкерские училища). Эти системы отличались друг от друга как по уровню общеобразовательной подготовки источников пополнения, так и по своему сословному составу. К началу Первой мировой войны в результате деятельности государственных органов данные различия были ликвидированы. Следствием этого явилось слияние двух некогда разных военно-училищных систем в одну, что знаменовало собой начало нового этапа в развитии средних специальных военно-учебных заведений Российской империи. Таким образом, главная цель военно-

ФОРМИРОВАНИЕ МЛАДШЕГО ОФИЦЕРСКОГО ЗВЕНА РОССИЙСКОЙ АРМИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

учебной реформы 60-х - первой половины 70-х годов - качественное повышение уровня профессиональной подготовки офицеров - была достигнута лишь в начале XX века, когда для юнкерских училищ были сформированы надежные источники комплектования. Отныне подготовка обер-офицеров всех родов войск стала вестись на высоком профессиональном уровне, соответствующем всем требованиям военной науки того времени. Отметим, однако, что это произошло слишком поздно и не смогло сказаться в полной мере на вооруженных силах России, так как начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война прервала начавшийся естественный процесс вытеснения старых, плохо подготовленных обер-офицерских кадров, новым поколением молодых офицеров.

Однако, на качественный состав младшего командного звена русской армии значительное влияние оказывали не только уровень подготовки в военно-учебных заведениях, но и условия службы обер-офицеров, в первую очередь – чинопроизводство.

Политика правительства, проводимая в данной области, являлась непоследовательной, а в некоторых аспектах - запаздывающей и даже реакционной. Одной из нерешенных проблем было недостаточное финансирование армии, что сказывалось на материальных условиях организации службы. Это приводило к загруженности младших командиров несвойственными им заботами, мешало офицерам заниматься тем, к чему их готовили в училищах - обучением и воспитанием солдат. Один из военных публицистов, командир 3-го железнодорожного батальона В.А. Самонов писал в связи с этим в 1907 г.: «Молодой офицер, прибывающий в часть, окрылен самыми лучшими намерениями служить ..., но, к несчастью, с первых же шагов службы он наталкивается на... полное отсутствие живого военного дела. Вся служба его проходит в швальнях, хлебопекарнях, солдатских лавочках, что делает ... из него офицера-чиновника и ведет лишь к упадку духа и полной отсталости от современного военного дела [8]. Одним важным недостатком в организации условий прохождения службы младшими офицерами являлось отсутствие для большинства из них перспектив служебного роста. Как показал анализ, реальное положение дел в области дальнейшего служебного движения офицеров русской армии в исследуемый период слагалось из опасных противоречий. Одним из них являлась отсутствие четких правил строевого чинопроизводства при наличии разных организаций и учреждений вне строя и вне военного ведомства, в которых военнослужащий мог сделать более быструю карьеру. При этом он сохранял все права офицера действительной службы и мог вернуться обратно в строй даже после исполнения обязанностей временного контролера билетов на железной дороге или крестьянского начальника [9].

В сочетании с низким жалованием данное обстоятельство заставляло покидать строевые армейские части наиболее энергичных, инициативных офицеров. Так как при принятии на нестроевые и классные должности приоритет отдавался военнослужащим с большей общеобразовательной подготовкой, то уход офицеров со строевой службы наблюдался, в основном, среди выпускников военных училищ. Генерал-лейтенант Машлаевский отмечал, что «военные училища пополняют не столько войска, сколько пограничную стражу, Главные Управления и даже в значительной степени гражданские учреждения» [10].

Так как выпускники юнкерских училищ значительно уступали по уровню своей подготовки выпускникам военных училищ, то уход последних со строевой службы отрицательно сказывался на боеготовности тех родов войск, чей офицерский состав пополнялся одновременно из обеих вышеуказанных военно-училищных систем. Таковыми родами войск являлись армейская пехота и кавалерия, большинство офицеров которых окончили юнкерские отделения окружных училищ. Так, например, соотношение офицеров с военно-училищной и юнкерской подготовкой, направленных в армейскую пехоту, кавалерию и казачьи войска, в 1884 - 1892 гг. было 1:2 (5445 и 11753 человек) [11].

Тем не менее, в армейской кавалерии не наблюдалось увеличения процентного соотношения выпускников окружных училищ к выпускникам военных училищ вследствие ухода последних. В связи с дороговизной службы в армейских кавалерийских полках оттуда шел интенсивный отток в равной степени представителей обеих военно-училищных систем. Совершенно иначе обстояло дело в армейской пехоте. Из-за невозможности получения многими обер-офицерами первого штаб-офицерского чина наиболее массовым уход выпускников военных училищ был в среде ротных командиров. Это привело к тому, что уже к концу XIX века соотношение их к окончившим юнкерские училища на уровне капитанов (последний обер-офицерский чин) было 1:8, в то время как среди подпоручиков (первый после 1884 года обер-офицерский чин) - 1:4 [2].

Таким образом, повышение строевых офицеров в обер-офицерских чинах сопровождалось падением уровня их общих и специальных знаний.

Сокращение количества выпускников военных училищ в среде капитанов соответствующим образом сказывалось и на уменьшении их числа среди строевых военнослужащих, которым удавалось достигнуть первого штаб-офицерского чина. Так, если в 1885 - 1891 гг. на долю питомцев военно-учебных заведений приходилось 34,09 % производства в подполковники, то в 1899 - 1905 гг. - лишь 11,45 %. В результате, ответственные должности батальонных командиров укомплектовывались малограмотными офицерами из юнкерских училищ, процент которых среди назначаемых в подполковники возрос в рассматриваемые годы с 65 до 86 [13].

В связи с неудовлетворительным положением дел в области комплектования контингента батальонных командиров дальнейший служебный рост армейских подполковников – т.е. производство их в полковники, искусственно сдерживался. Более половины полковничьих вакансий в пехоте замещались офицерами-неармейцами: гвардейцами, генштабистами, а также нестроевыми офицерами – из военно-учебных заведений, хозяйственных управлений и т.д. Как следствие, смена личного состава

армейских строевых штаб-офицеров осуществлялась крайне медленно. Это, в свою очередь, сказывалось на скорости получения младшими офицерами рот. Так возникал замкнутый круг: отсутствие служебных перспектив у обер-офицеров порождало проблемы в комплектовании штаб-офицеров, попытки решения которых только усугубляли положение дел в области чинопроизводства младшего командного звена. Это лишь укрепляло выпускников военных училищ в их стремлении покинуть строй.

Уход выпускников военных училищ со строевой службы имел ещё одно последствие: для молодых офицеров постоянно создавался отрицательный пример для подражания. У тех же военнослужащих, которые по какой-либо причине не могли устроиться вне строя, пропадало стремление к профессиональному совершенствованию, так как и без того, сильно ограниченное чинопроизводство не давало возможности выдвигаться лицам наиболее достойным. В подобных условиях среди оставшихся в строю младших командиров широкое распространение получили такие явления, как формальное, инертное отношение к службе; понижение уровня специальных знаний; духовная деградация. Этот процесс, существенно подрывавший боеспособность вооруженных сил Российской империи, стал особенно заметен к концу XIX столетия. Тем не менее, правительство и военное ведомство упорно игнорировали существование назревавшей проблемы.

Поворотным моментом в отношении государства к вопросу организации условий прохождения службы обер-офицерами стала русско-японская война. Она, с одной стороны, показала слабую подготовку младшего офицерского состава русской армии, с другой - замедлила и без того медленное служебное движение, создав тем самым предпосылки для дальнейшего ухудшения положения дел в области комплектования младшего командного звена. В связи с этим правительство и военное ведомство предприняло ряд мер, направленных на улучшение условий службы обер-офицерского состава. Результатом стало существенное увеличение жалования военнослужащим, офицерское чинопроизводство также было несколько упорядочено путем принятия нового пенсионного устава. В целом же зависимость качественного состава обер-офицерского корпуса от возможностей системы его чинопроизводства приобрела для военного ведомства столь большое значение, что планирование и осуществление многих военных реформ 1905-1912 гг. стали проводиться непосредственно с учетом их влияния на скорость и массовость карьерного роста офицеров.

Очевидно, что накануне Первой мировой войны было положено лишь начало к ликвидации некоторых вредных последствий влияния системы чинопроизводства на состояние и развитие обер-офицерского состава. Основной же недостаток - зависимость достижения званий только от выслуги лет либо от соотношения вышестоящих и нижестоящих должностей - так и не был устранен. В связи с этим повышение жалования только удерживало офицеров в строю, но не гарантировало их заинтересованности в добросовестном исполнении служебных обязанностей. Это, в свою очередь, уничтожало в младших офицерах самые необходимые качества - энтузиазм и личную инициативу. Таким образом, весь период пребывания военнослужащих в обер-офицерских чинах проходил в таких условиях службы, которые никоим образом не способствовали их самосовершенствованию и дальнейшему профессиональному росту.

Источники и литература

1. Волков С.В. Русский офицерский корпус. – М., 1993. – 368 с.
2. Панов І. М. Офіцерський корпус Збройних сил Росії в роки Першої Світової війни: автореф. дис... канд. іст. наук / К., 1999. – 17с.; Клоков А.В. Офицерский корпус в истории России XX века: автореф. дис... докт. ист. наук / М., 2003. – 47 с.; Соловьев В.В. Основные направления строительства русской армии в последней четверти XIX ст.: автореф. дис... докт. ист. наук / М., 2003. – 45 с.
3. Лушников А.М. Военно-учебные заведения России в 1861-1941 гг. (социально-политический аспект развития): Дис... докт. ист. наук. – Ярославль, 1998. – С. 106.
4. Глиноецкий Н. Исторический очерк развития офицерских чинов и систем чинопроизводства в русской армии // Военный сборник. – 1887. – № 4. – С. 279.
5. Российский государственный военный исторический архив. – Ф. 725. – Оп. – 20. – Л. 18-19.
6. Там же. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 11. – Л. 42.
7. Назаров А.Н. Офицеры России: подготовка, культура, традиции. – М., 1997. – С. 87.
8. Самонов В.А. Мысли современного офицера // О долге и чести воинской в российской армии. – М., 1990. – С. 232.
9. Российский государственный военный исторический архив. – Ф. 2000. – Оп. 4. Д. 516. – Л. 24.
10. Там же. – Ф. 400. – Оп. 10. – Д. 10. – Л. 4.
11. Всеподданнейшие отчеты военного министерства за 1884-1892 гг. – СПб., 1884-1892.
12. Геруа А. Офицерский подбор // Общество ревнителей военных знаний. – 1907. – № 1. – С. 148.
13. Гриценко П. Итоги 16-летнего применения правил 1884 года для производства в подполковники и как быть далее? // Военный сборник. – 1900ю - № 10. – СС. 384-385.

Татаринцева Р.И.

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ «АРТУРИАНЫ» В РОМАНЕ МИШЕЛЯ РИО «МЕРЛИН»

Народные предания кельтов Уэльса, составившие большой цикл раннесред-невековых артуровских легенд или «Артуриану», в своей фольклорной основе восходят, скорее всего, ко времени второй половины VI столетия, потому что имеют центральной фигурой образ короля Артура, легендарные жизнь и дея-